

Прошло почти два столетия с того дня, когда у горы Машук был убит великий русский поэт, национальный гений Михаил Юрьевич Лермонтов.

Новая книга о нём Владимира Бондаренко — “Мистический гений” — пожалуй, первая за 200 лет книга, раскрывающая мистические корни поэта, идущие от его древних предков. В отличие от многочисленных беллетризованных семейно-бытовых биографий, книга Бондаренко затрагивает важнейшие проблемы бытия, в ней столько интригующих зацепок, которые наверняка заинтересуют и маститого лермонтоведа, и самого широкого читателя. Что послужило причиной дуэли? Почему современные лермонтоведы оправдывают Мартынова? Почему на целых 30 лет затянулось молчание о причинах его гибели? Почему в России вечно недооценивают своих национальных гениев? В. Розанов писал о “вечно печальной дуэли”, В. Бондаренко — о “вечно преступной”...

Известный критик и публицист находит у царя Николая и нынешних властителей повторяющуюся ошибку: борясь с опасной для страны революцией, они опираются на серых и продажных чиновников. По мнению В. Бондаренко, Лермонтов построил суровую модель отношений с миром, противостоя и светской власти, и духовной, и нормативно-бытовой. Ну же ли властям такой вольный поэт?

Критик резко выступает против всех мистификаций и сплетен о поэте, присущих нашему времени. Для него Лермонтов во всех своих противоречиях, при всей сложности характера — прежде всего величайший национальный русский гений, очень рано осознавший свою трагическую миссию.

Публикуем в номере главу из книги Владимира Бондаренко.

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО

ОТЪЯВЛЕННЫЙ РУСОМАН ЛЕРМОНТОВ

Более русского по стихам, по выражению своей русскости, в русской поэзии девятнадцатого века не найти. Он и был светлым предвестником Сергея Есенина. Ещё в юношеских стихах, посвящённых Новгороду и мятежному славянину Вадиму Храброму, он настойчиво противопоставляет славянство Вадима чужести, варяжести пришлого Рурика. В “Бородино” он, несмотря на своё увлечение Наполеоном и любовь к французской литературе, без всякого стеснения называет пришедших французов бусурманами. С какой детской наивностью он утверждает в стихотворении “Смерть поэта”, что русский человек не смог бы поднять руку на русского гения, даже если бы тот был неправ. “Не мог понять он нашей славы...”. Увы, русская дворянская рука его и убила.

Вот что писали его дальновидные современники: “На Пушкина целила, по крайней мере, французская рука, а русской руке было грешно целить в Лермонтова” (П. Вяземский). “Не стало Лермонтова! Сегодня (26 июля) получено известие, что он был убит 15 июля в Пятигорске на водах; он убит, убит не на войне, не рукою черкеса или чеченца, увы, Лермонтов был убит на дуэли — русским” (А. Булгаков). “Теперь другой вопрос, как поступить с убийцей нашей славы, нашей народной гордости, нашего Лермонтова... , тем более что

он русский... нет, он не русский после этого, он не достоин этого священного имени” (А. П. Смольянинов). Или, как высказался Владимир Соллогуб: “на русское имя” кровавым пятном легла смерть русского гения.

Так почему до сих пор не могут *понять нашей славы* гениального Лермонтова все оправдатели Мартынова и собиратели сплетен и слухов антилермонтовского содержания? Зачем в оправдание Мартынова кинулся и наш всеядный Евтушенко, уже сейчас, в 2012 году написавший:

*Убитый пулей — не мортирами,
несчастья полон своего,
зачем он додразнил Мартынова,
несчастливым сделав и его?*

Впрочем, для Евтушенко несчастны все убийцы русских поэтов: и Дантес, и убийца Рубцова. Он любит жалеть всех разрушителей России.

Зачем придумывают ему, словно в параллель с Шолоховым, которому навязывают мнимых “соавторов”, каких-то надуманных “подлинных отцов”?

Впрочем, агрессивный поиск нового отца Михаила Лермонтова продолжался весь XX век. Израильский историк С. Дудаков в одной нацистской наукообразной книге обнаружил портрет Лермонтова, размещённый со многими другими для характеристики еврейского типа внешности. Великий русский поэт оказался здесь в компании вместе с Барухом Спинозой, Стефаном Цвейгом, Чарли Чаплином, Альбертом Эйнштейном и другими евреями. Казалось бы, возьми и опровергни эту глупость. Нет, он пошёл дальше нацистов и “обнаружил”, что отцом Лермонтова был якобы личный врач бабушки поэта, французский еврей Ансельм Леви. И будто бы с этой версией соглашались и пушкинист Л. Гроссман, и лермонтовед И. Андронников.

Уверяю вас, прочитав чуть ли не сотню самых разных, противоречащих друг другу, да и порой самому поэту, книг и статей о Михаиле Юрьевиче Лермонтове, я поразился: лермонтовская родовая линия в книгах практически отсутствует! Как началось с лютой нелюбви бабки поэта Елизаветы Алексеевны Арсеньевой к отцу поэта Юрию Петровичу Лермонтову, так и до сих пор вычёркивают эти древние лермонтовские корни из его биографии и из его судьбы. Да ещё и придумывают самые разные небылицы о мнимых отцах. Хорошо, что этих мнимых отцов, набралась уже, как минимум, целая троица, значит, даже обыватель в эти версии не поверит. И потом: откуда “обиженный древний род” у французского лекаря или крепостного кучера, да и чеченский абрек древностью своего рода не прославился... Оставим их досужим сплетникам.

Удивляюсь я только тому, что эти подленькие версии поддерживали то Андронников (о французском еврее-лекаре), то самые именитые лермонтоведы В. Мануйлов и В. Захаров: о том, что якобы знатная дворянка из рода Столыпиных в совсем юном возрасте спуталась с крепостным кучером своей бабки и забеременела от него. И потому бабка поэта Елизавета Алексеевна Арсеньева якобы была вынуждена за большие деньги нанять в мужья Юрия Петровича Лермонтова, дабы прикрыть грех своей дочери. Зачем сопредседатель Лермонтовского комитета и, кстати, председатель Лермонтовского комитета Союза писателей России В. А. Захаров опубликовал в наше перестроечное время статейку ещё одного именитого лермонтоведа — В. А. Мануйлова — “Лермонтов ли Лермонтов?”, написанную ещё в 1973 году? Ради свержения русского гения с пьедестала? Ради скандальной, дурно пахнущей славы?

Я не собираюсь оправдывать и Мануйлова, который, мол, прятал до самой своей смерти в 1987 году эту статейку у себя в письменном столе. Написал, значит, захотелось поиздеваться над своим кумиром хотя бы исподтишка. Шутка, мистификация? А есть ли просто исследовательское чутьё, есть ли интуиция истинного учёного? Мануйлову якобы пришлось ещё в сентябре 1936 года разбирать безграмотное сочинение школьника из Тархан, некоего А. Абакумова, собравшего все байки старушек, о таинственной любви семнадцатилетней аристократки Маши Арсеньевой и крепостного кучера её матери. Вот от кучера юная леди и “понесла”, а бабка, дабы прикрыть грех дочери, нашла бедного дворянина Юрия Петровича Лермонтова и за солидную сумму уговорила его взять в жёны свою распутную дочку. Может быть, в 1936 году и понадобилось кому-то из местных чиновников придумать народное происхождение великому русскому поэту, избавив его от каких-то шот-

ландских корней, но высокое начальство эту версию явно не поддержало. Разврат молодых девиц в сталинское время не особенно приветствовался. Всё остальное – полнейшая чепуха.

Среди крепостных Арсеньевых историки не нашли ни искомого кучера, ни следов бабок, якобы хранивших в памяти эту историю. И возможно ли было в начале сурового, патриархального восемнадцатого века, чтобы знатная девица, пятнадцатилетняя столбовая дворянка спуталась с каким-то крепостным кучером или с лекарем-евреем, или, ещё чище, – с разбойным абреком? Это ещё помещики своих крепостных девок “пользовали”. Даже замужние барыни во время длительных отлучек своих аристократических мужей на военную службу или в столицы могли подыскать себе на время приличного крепостного мужика из прислуги. Но молодая девица была бы навеки опозорена. Это во-первых.

Да и народ об этом бы не молчал сто с лишним лет, аж до 1936 года. Надо же, в самые смутные времена революций и бунтов, во времена освобождения от крепостного права, во времена нигилистов и разночинцев, когда сочинялись якобы лермонтовские стихи “Прощай, немытая Россия”, никто не пожелал рассказать байки о крепостном отце поэта.

Во-вторых, случись подобное на самом деле, то получивший солидные деньги бедный дворянин после смерти своей навязанной ему супруги убежал бы подальше и от сумасбродной бабки, и от чужого ему сына. Зачем ему было общаться с ним, писать своё завещание, зачем ему было любить чужого человека, с которым по воле бабушки он и виделся нечасто после смерти жены? Зачем ему было отписывать чужому сыну половину своего имения в Кропотовке?

Этот навет справедливо осудили и известные деятели культуры в газете “Культура”, и лермонтовед Д. Алексеев в “Литературной России”. Но Захарову, да и другим, неймётся. Вот он уже и в “Спид-инфо”, в недавнее время изложил столь скандальную версию. Его даже не смущает, что сама публикация подобных сплетен в такой жёлтой газете, как “Спид-инфо” выдаёт лжеучёного с головой. Подхватывают его версию и разного рода любители сенсаций в областных газетах. Скажем, в Ярославле на лермонтовских чтениях Захаров говорит журналистам:

– Ну, хотя бы происхождение Лермонтова. О его папёнке с маменькой, о том, где и как они познакомились, при каких обстоятельствах поженились, ничего не известно. Церковных записей об их венчании так и не обнаружилось.

– В книге у вас есть раздел со странным названием “Лермонтов ли Лермонтов?”. Не соскучишься.

– Так назвал свою рукопись мой учитель, составитель “Лермонтовской энциклопедии” академик Виктор Мануйлов. Статью он написал ещё в начале 70-х годов, опубликовать же её так и не решился. Как раз работал над энциклопедией и поостерёгся попасть в немилость к литчиновникам. Передал рукопись мне уже в следующем десятилетии с наказом “докопаться до истины”. Вопрос поставил ребром: кто в действительности был отцом поэта?

– Неужели не отставной майор Юрий Петрович Лермонтов, как нас в школе учили, коего Мишель нежно называл “папёной”?

– На чтениях в Ярославле я хотя бы отчасти, надеюсь, вопрос прояснил. Суть его в том, что по легенде старожилов пензенских Тархан, где в усадьбе бабушки Елизаветы Алексеевны Арсеньевой прошло детство поэта, отцом его был крепостной кучер. Чтобы скрыть грех дочери, а за внуком сохранить дворянские привилегии, хозяйка усадьбы сумела-таки сосватать её с отставным майором Лермонтовым. Приплачивала ему за это, те складные бумаги сохранились... (Кстати, откуда взялся отставной майор? Он, похоже, с Мартыновым спутал отца поэта: Юрий Петрович Лермонтов в отставке с 7 ноября 1811 года капитаном “за болезнь с мундиром” – В. Б.)

– Как же нам тогда понимать хрестоматийную юношескую строку поэта “В горах Шотландии моей”? Сказано же – “моей”.

– В юности под воздействием, скорее всего, рассказов Юрия Петровича о шотландских корнях рода, о предке поэте Томасе Рифмаче Мишель весь был в испанцах и шотландцах. Когда же ему исполнилось шестнадцать, бабушка, предполагаю, открыла внуку тайну его рождения. Шотландские мотивы в стихах Лермонтова исчезли. Зато он написал стихотворение с такими начальными строками: “Ужасная судьба отца и сына: // жить розно и в разлуке умереть”...

Не думаю, чтобы безумно любившая внука Елизавета Алексеевна стала бы ему в шестнадцать лет рассказывать об отце из дворовых крестьян. Не ста-

ла бы она и давать вольную такому кучеру – изничтожила бы. Да и куда подевался потом этот *вольный* папаша?

Ещё сумасброднее версия некоей литераторши из Грозного Марьям Вахидовой, опубликовавшей целую книгу “Лермонтов. Тайна рождения”. По её версии, и родился-то поэт на три года раньше (где скрывали его от родни и всех крепостных?), и чиновники царские его невзлюбили, и сам император Николай Первый, потому что знали: отец его – чеченец, враг России. И якобы сам Михаил Лермонтов эту тайну хорошо знал. И не убивали его чеченцы, потому что все они знали, что он “свой”. А вот сам Михаил Лермонтов со своей диверсионной группой немало чеченцев перерезал кинжалами и саблями. Что же он, мстил своему отцу?

Не удивлюсь, если найдут Лермонтову отца – татарина, киргиза, поляка... И притом без малейших на то оснований. Кстати, та же Вахидова, подробно израильскому историку Савелию Дудакову, тоже ссылается на Ираклия Андроникова. Что-то запутался наш славный лермонтовед в отцах поэта... Вот пишет Дудаков: “... уникальные сведения о происхождении поэта автору этих строк сообщил в 1964 <оду> пушкинист Виктор Азарьевич Гроссман (автор нашумевшего романа “Арион”). При этом он ссылался и на Ираклия Андроникова как <на> человека, знавшего эту тайну. Отцом Михаила Юрьевича якобы был французский еврей Ансельм Леви (Levis), личный врач бабки поэта Арсеньевой. Косвенным подтверждением “неблагополучия” в этом вопросе является перезахоронение праха Юрия Лермонтова в Тарханах”. Причём здесь перезахоронение отца поэта Юрия Петровича, чей прах перенесли из его тульского имения в Тарханы? Скорее, это подтверждение истины.

А вот что пишет Марьям Вахидова: “И И. Андроников это знал! Он об этом сам сказал молодому чеченскому филологу-лермонтоведу, прикрепленному к нему в помощники, когда приезжал в Чечню посетить лермонтовские места там. “... Он ведь был наполовину чеченцем.

– Лермонтов – чеченец?

– Это всё она, бабка поэта! – плакал Ираклий, – узнала, что 17-летняя дочь ждёт ребёнка, и увезла её из Чечни! Как я ненавижу вас, чеченцев! Я с 2-х лет рос без отца по вине вашего народа, а теперь вот и Лермонтова моего забрали!

Но на расспросы этого филолога (Ибрагима Алироева) сказал только: “Я знаю тайну рождения Лермонтова, но никогда об этом не напишу!...”

Может, их свести вместе: Вахидову и Дудакова? Пусть разберутся между собой, что и кому сказал Андронников! Заодно пусть и крепостной кучер Захаров с ними разберётся, и все остальные любители досужих сплетен. И где были все его отцы, когда поэт стал знаменитым?

Как и положено в подобных случаях, занявшись разоблачениями Лермонтова и его биографии, Захаров не остановился на истории незаконнорожденного ребёнка. Дальше пошло в ход и восхваление убийцы Мартынова, возвеличивание его поэзии, уверения в ужасном характере Лермонтова. Даже появились какие-то экскурсанты-врачи, посетившие единожды Тарханы, которые по портрету быстро установили, что Лермонтов был рахитиком, и сообщили об этом Захарову. Какой-то священник нарушил тайну исповеди. Даже прах Юрия Петровича Лермонтова, перенесённый с кладбища в Шипове по инициативе Ираклия Андронникова, по мнению Захарова – чужой, случайно выкопанный прах. Непонятно только, какое дело Захарову до праха Юрия Петровича, если он не отец поэта? Как говорят: “коготок увяз, всей птичке пропасть”. Встав на путь сомнительных сенсаций, этот лжеучёный и дальше будет выдавать “на гора” любые, самые невероятные вымыслы. Боюсь, скоро объявит плагиатом и все его стихи. Вот уж верно: “Осторожно, сенсация!”

Такая статья о лжелермонтоведении была опубликована и самим В. Мануйловым. Жаль, что учёный сам увлёкся заманчивыми версиями. Только откуда у сына крепостного кучера такая всемирность, откуда мистическое проникновение в глубины духа? Это ещё в 1936 году были в ходу рабоче-крестьянские версии. *Свинарка и пастух* творили новые миры... Хотя и в те, послереволюционные времена Сергей Есенин признавался, что и он, и Николай Клюев из высшего, образованного слоя крестьянства. Мол, притворяемся простыми крестьянами, а сами-то родом из книжных людей вышли. Так оно и было.

“Ты светом осуждён...” – писал своему отцу в 1830 году Михаил Лермонтов, якобы уже знавший о подлинном своём отце. Кто же осуждён светом – безвестный чеченский абрек, еврей-лекарь или же крепостной кучер? Свет не интересовали эти люди. Нет же, осуждён светом обнищавший дорянин Юрий Петрович Лермонтов.

... Впрочем, чем больше отцов появится, тем более нелепой будет выглядеть сама ситуация.

Дело ли серьёзных литературоведов заниматься всеми этими биологическими домыслами? Или они лишены чувства слова, лишены способности художественного видения мира?

Я бы и не стал обо всём этом писать, если бы не ставил перед собой цель: понять истоки древнего рода, давшего России великого русского гения.

Не лучше ли заняться как следует текстологией, ибо немалая часть стихотворений Лермонтова была опубликована уже в семидесятые-восемидесятые годы девятнадцатого столетия, а то и в двадцатом веке в чьих-то записях, и никто никогда оригиналов многих стихов не видел.

Так и возникла в 1873 году версия о принадлежности Лермонтову стихотворения “Прощай, немытая Россия”. Удивительно: нет ни одного оригинала или упоминания современников, ни одного публичного прочтения или обсуждения в личных письмах. И вдруг, в разгар нашего нигилизма и народовольчества, в нигилистической печати появляется якобы лермонтовское стихотворение. В конце концов, ничего страшного, мог и поэт, разгорячившись, как и Пушкин по поводу страны, в которой ему угораздило родиться, написать нечто резко отрицательное по отношению к власти. Есть же каноническое “Люблю Отчизну я, но странною любовью...”, есть вообще пророческое, на столетие вперёд, написанное в шестнадцать лет:

*Настанет год, России чёрный год,
Когда царей корона упадёт;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жён
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мёртвых тел
Начнёт бродить среди печальных сел...*

Так могло бы написаться и “Прощай, немытая Россия!” Но, во-первых, уже по уровню совершенства в 1841 году он такие стихи не писал. Во-вторых, опять работа для текстологов: все выражения, образы, сравнения совсем непривычные и никогда у Лермонтова не встречавшиеся. В-третьих, как установили наши добросовестные правдоискатели, именно в семидесятые годы XIX века нигилистический стихотворец Д. Минаев (так схожий по всем приемам и бульварности с нашим нынешним телевизионно-литературным Минаевым) употреблял подобную стилистику. Уже в 1989 году наш дотошный Владимир Бушин докопался до всей этой сомнительной истории и предложил учёным перепроверить внимательно авторство стихотворения. А в наши дни академик Н. Н. Скатов в своей блестящей статье к 190-летию Михаила Лермонтова подтвердил: “Всё это вновь и вновь заставляет возвращаться (в последний раз это сделал М. Д. Эльзон) к одному из самых известных, приписываемых Лермонтову стихотворений:

*Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.*

*Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышающих ушей.*

Как известно, автографа этого стихотворения нет. Что ж – бывает. Но за тридцать с лишним лет не появилось и никаких свидетельств о какой-либо

изустной информации: это о лермонтовском-то стихотворении такой степени политического радикализма! Нет и ни одного списка, кроме того, на который ссылается П. И. Бартенев, с чьей подачи и стало известно в 1873 году стихотворение, и который тоже якобы утерян.

Кстати сказать, речь в стихотворении о желании укрыться за “стеной Кавказа” в то время, как Лермонтов ехал служить на Северный Кавказ, то есть, строго говоря, не доезжая до его стены. Наконец, главное – это противоречит всей системе взглядов Лермонтова, всё более укреплявшегося в своём русофильстве, которого даже называют русоманом и который пишет (вот здесь-то автограф как раз сохранился): “У России нет прошедшего: она вся в настоящем и будущем. Сказывается сказка: Еруслан Лазаревич сидел сиднем 20 лет и спал крепко, но на 21 году проснулся от тяжёлого сна – встал и пошёл... и встретил он тридцать семь королей и 70 богатырей и побил их, и сел над ними царствовать... Такова Россия”...

Так зачем и кому, спустя десятки лет после смерти Михаила Юрьевича, в нигилистической печати понадобилось печатать это якобы лермонтовское стихотворение? Оно скорее пародирует пушкинские строки “Прощай, свободная стихия!”. Тем же нигилистом Минаевым позже была написана пародия на лермонтовскую поэму “Демон”, где есть строчки: “Бес мчится. Никаких помех // Не видит он в ночном эфире. // На голубом его мундире // Сверкают звёзды рангов всех...” Вот и появляются опять минаевские “мундиры голубые”, которых никогда не было в поэзии Лермонтова. Литературовед А. А. Кутырева, кандидат философских наук, вполне убедительно доказала авторство Дмитрия Минаева: “Литературоведы, дорожащие своей репутацией, обычно оговаривают отсутствие автографа и никогда не приписывают произведение автору, не имея хотя бы прижизненных списков. Но только не в этом случае! Стихотворение стало каноническим и включено в школьные учебники как шедевр политической лирики великого поэта.

Именно из-за первой строки стихотворение стало популярным, а для некоторых сейчас сверхактуальным... Более сильный литературный аргумент для опорочивания России, чем ссылка на её национального поэтического гения, трудно придумать...

Давайте спросим себя, что у нас здесь вызывает в первую очередь недоумение и что не согласуется со всеми остальными строчками. Спросим и признаемся: первая строка – “немытая Россия”. Воспитанный в дворянской среде, <в> пансионе Московского университета, вращавшийся в высших аристократических кругах, Лермонтов вряд ли мог писать и говорить “немытая” по отношению к Родине, которой он только что посвятил паразитической силы строки любви. Вполне можно предположить: он не употреблял его и в обиходной среде. Его не было в дворянском лексиконе, а к поэзии оно вообще не имеет никакого отношения. Разве что к пародии, эпиграмме, перепеву. А это уже другая эпоха. Поговорим о ней...

Виднейшим представителем сатирико-социальной поэзии 60-х годов, выступавшим против дворянской культуры, противником толпы “ренегатов, кликуш, временщиков и невских Клеопатр” был Д. Д. Минаев... В его сатирах и перепевах не обойдён вниманием ни один дворянский поэт: Пушкин, Лермонтов, Майков, Некрасов, Островский, Плещеев, Фет, Тютчев, Тургенев, Бенедиктов. Все попали на его острый язык. Он был ярким и ярым разрушителем дворянской эстетики, как, впрочем, и Д. Писарев. Стихотворная пародия была ведущим жанром Д. Минаева в области сатиры: издёвки, насмешки, журнальная полемика – его любимый стиль... Вульгарный демократический жаргон пародии снижал высокую аристократическую литературу... Вот и получилась минаевская пародия на пушкинское “К морю”:

*Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой...*

Сравните:

*Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ.*

*И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ...*

Постепенно (и особенно теперь, в наше время) мистификация, которой увлеклись публикаторы пародии, превратилась в фальсификацию, работающую на противников России. . .

Прежде всего, хотят опорочить глубинно русского поэта. О чём бы он ни писал, в какие бы космические, звёздные выси не уплывал, в основе всего — русская земля, русский дом. Он находится под арестом за стихи на смерть Пушкина, и в темнице возникает его “Когда волнуется желтеющая нива”.

В одном из самых протестных, вызвавших недовольство императорского света стихотворений “Как часто, пёстрою толпою окружен. . .”, он от этих приличьем стянутых масок и бестрепетных рук, забываясь, и улета вольной, вольной птицей, возвращается в родные тарханские места:

*И вижу я себя ребёнком; и кругом
Родные всё места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;
Зелёной сетью трав подёрнут спящий пруд,
А за прудом село дымится — и встают
Вдали туманы над полями.
В аллею тёмную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и жёлтые листья
Шумят под робкими шагами...*

От имени этой русской земли и хочет бросить дерзко всему высшему свету поэт свой “железный стих, облитый горечью и злостью”.

Если говорить о поэтическом символе Москвы, то, надо говорить, прежде всего, о великом русском национальном поэте Михаиле Юрьевиче Лермонтове. Он и родился в центре старой дворянской Москвы, в доме Толя. Он и воспел её как русскую столицу:

*Москва, Москва!.. люблю тебя, как сын,
Как русский, — сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думал чуждый властелин
С тобой, столетним русским великаном,
Померяться главою и обманом
Тебя низвергнуть. Тщетно поражал
Тебя пришлец: ты вздрогнул — он упал!
Вселенная замолкла... Величавый,
Один ты жив, наследник нашей славы.*

Ради любимой Москвы он даже так жёстко пишет о своём любимом кумире Наполеоне. Заметьте, как гениально просто, без затей, пишет он о своей русскости: “Люблю, как русский, — сильно, пламенно и нежно!” Сегодня бы поэта за такие строки в черносотенстве обвинили запросто. Потому и не любят эти строки повторять и цитировать. А ведь написано совсем мальчишкой, в чём-то ещё, может, и коряво, но никакой изошрённый стилист не добьётся такой мощи и простоты стиха. Москве он был предан до конца своих дней. О родной Москве писал и в не любимом им Петербурге: “Я враг Неве и невоскому туману”, — и далее, в своей поэме “Сашка”:

*Там жизнь грязна, пуста и молчалива,
Как плоский берег Финского залива.
Москва не то: покуда я живу,
Клянусь, друзья, не разлюбить Москву.*

Особенно после первой дуэли в Петербурге с сыном французского посла Эрнестом де Барантом поэта стали звать в светских кругах отчаянным русо-маном. Его даже отличали от философствующих о России славянофилов. Те больше размышляли, Лермонтов действовал.

Он и журнал задумал издавать, отличный от всех либеральствующих изданий, даже от “Отечественных записок, где сам и печатался. Он писал своему другу и издателю Краевскому: “Мы должны жить своею самостоятельной жизнью и внести своё самобытное в общечеловеческое. Зачем нам тянуться за Европою и за французским...” Он спорил и с самим Жуковским, покровительствовавшим поэту: “Мы в своём журнале не будем предлагать обществу ничего переводного, а своё собственное. Я берусь к каждой книжке доставлять что-либо оригинальное. Не так, как Жуковский, который кормит всё переводами. Да ещё не говорит, откуда берёт их...”

Недаром известный публицист Спасович писал о нём: “По врождённой сильной склонности к национальному, по сильной любви к родине своей, по нерасположению своему к европеизму и глубокому религиозному чувству... Лермонтов был снабжён всеми данными для того, чтобы сделаться великим художником того литературного направления, теоретиками коего были Хомяков и Аксаковы, художником народническим, какого именно недоставало этой школе...”

Его предполагаемый журнал – это была программа нынешнего “Нашего современника”.

Потому и дуэль Лермонтова с Барантом была воспринята обществом, включая царя, дуэлью антиевропейской. Уже позже, после своей первой дуэли, Михаил Лермонтов выскажется по поводу вызвавшего его на дуэль сына французского посла в России Эрнеста де Баранта, а заодно и в адрес других таких же, как он, заезжих французов: “Я ненавижу этих искателей приключений – эти Дантесы и де Баранты заносчивые сукины дети...”

Эта фраза, вырвавшаяся в разговоре, подтверждает, что несмотря на все остальные реальные и придуманные причины дуэли, главной причиной было его презрительное отношение не то что конкретно к французам, а к хлынувшим в Россию чужеземным искателям славы и почестей. “Это совершенная противоположность истории Дантеса, – замечает П. А. Вяземский 22 марта 1840 года. – Здесь действует патриотизм. Из Лермонтова делают героя и радуются, что он проучил француза”.

Да и Военно-судебная комиссия, отнюдь не благоприсягнувшая Михаилу Лермонтову, признала что Лермонтов “вышел на дуэль не по одному личному неудовольствию, но более из желания поддержать честь русского офицера”. Более того, как пишет Белинский: “Государь сказал, что если бы Лермонтов подрался с русским, он знал бы, что с ним сделать, но когда с французом, то три четверти вины слагается”.

Тень Дантеса изначально повисла над первой дуэлью Михаила Лермонтова. Начнём с того, что ещё зимой 1839 года на вечеринке у вюртембергского посла Гогенлоэ барон д’Андре поинтересовался у А. И. Тургенева, насколько соответствует истине мнение, что стихотворение Лермонтова “Смерть поэта” направлено не только против убийцы Пушкина Дантеса, а против всех французов. Барон д’Андре дал понять, что этим интересуется сам посол Франции, господин де Барант. Как всегда, истинные причины такого запроса навсегда покрыты тайной. Со дня гибели Пушкина прошло два года, стихотворение “Смерть поэта” ходило в тысячах списков и наверняка достигло посольства Франции. Скорее, хотелось узнать мнение светских кругов о самом поэте. Тургенев поспешно пообещал барону поговорить с Лермонтовым и взять у него текст стихотворения. Когда Тургенев обратился к Михаилу Лермонтову с таким запросом, поэт через день ему прислал текст “Смерть поэта”, сопроводив его запиской: “Посылаю Вам ту строфу, о которой Вы мне вчера говорили, для известного употребления, если будет такова Ваша милость”. Де Баранта интересовало, очевидно, и мнение русского дворянства об этом стихотворении.

Кто-то же напомнил о нём французскому послу, вряд ли серьёзно занимающемуся русской поэзией, кто-то истолковал его, как оскорбительное для Франции. Но, очевидно, не один Тургенев спешно кинулся разузнавать подробности стихотворения Лермонтова. Позже Тургенев рассказывал князю Вяземскому: “Через день или два, кажется, на вечеринке или бале уже самого Баранта я хотел показать эту строфу Андрэ, но он прежде сам подошёл ко мне и сказал, что дело уже сделано, что Барант позвал на бал Лермонтова, убедившись, что он не думал поносить французскую нацию...”. Вроде бы требовалось убедиться в благонадёжности известного поэта, дабы его приглашать на балы в посольство. Всё может быть.

Это говорит, прежде всего, о том, что к 1839 году положение поэта в обществе уже достигло самых высоких величин. Не замечать его иностранные дипломаты не могли. К примеру, уже после дуэли с молодым де Барантом тот же вюртембургский посол Гогенлоэ писал своему королю 22 марта 1840 года, что поэт “возбуждает некоторый интерес достаточно замечательным поэтическим талантом”. Итак, на новогодний бал во французском посольстве поэт Михаил Лермонтов был приглашён.

Позже друзья Лермонтова упрекали Тургенева в том, что он ввязался в эту историю, связал поэта с Барантами, да и вообще зачем-то обсуждал с французским послом его стихи о гибели Пушкина. Тургенев же оправдывался перед Вяземским: “Я был вызван к изъяснению моего мнения самим Барантом”. И заканчивал горячим уверением: “Вот тебе правда, вся правда и ничего, кроме правды. Прошу тебя и себя, и других переуверить, если, паче чаяния, вы думаете иначе”. Вообще-то А. И. Тургенев – гражданин России, и его никак не мог “вызвать к себе для изъяснения его мнения” никакой французский посол. Но таковы были нравы русских дворян. Это на своего императора можно было и заговоры, и покушения готовить, а перед французским послом надо стоять на вытыжку. Так и нынче наши вольнодумцы перед американским послом на вытыжку стоят.

Вряд ли барон де Барант предполагал, что приглашения на балы молодого талантливого поэта Михаила Лермонтова закончатся дуэлью с его сыном. Если откровенно, дуэль французскому послу была не нужна. Между Россией и Францией и так были натянутые отношения. Император Николай Первый явно недолюбливал Луи-Филиппа. К тому же барон и сам был неплохим писателем и даже дружил с Пушкиным. Он присутствовал при выносе тела покойного поэта и отпевании его в церкви. В. А. Жуковский в письме к С. Л. Пушкину от 15 февраля 1837 года заметил: “Пушкин по своему гению был собственностью не одной России, но целой Европы; потому-то и посол французский (сам знаменитый писатель) приходил к дверям его с печалью собственной; и о нашем Пушкине пожалел, как будто о своём”. Об искренней скорби Баранта писал и А. И. Тургенев: посол “французский с растроганным выражением, искренним, так что кто-то прежде, слышав, что из знати немногие о П. жалели, сказал: Барант и Геррера sont les seuls Russes dans tout cela!” (“единственные русские во всем этом деле”. – **В. Б.**). П. А. Вяземский тоже пишет А. И. Тургеневу: “Чем поддержал Барант своё неотъемлемое и не заимствованное достоинство во время пребывания его в Петербурге? Ничем, за исключением живого участия, которое он оказал в горе нашем о Пушкине”. Как говорили, барон Барант входил в число его “близких и высоко ценимых собеседников-европейцев”. Эта дуэль могла повлечь удаление посла из Петербурга.

Так что, не увлекаясь конспирологией, остановимся или на версии, что обнаглевший сынок посла, молодой Эрнест де Барант, и впрямь был уязвлён тем, что приглянувшаяся ему вдовья княгиня Щербатова предпочла русского поэта. Или же главной причиной послужила ещё одна европейская кокетка, крутившая романы со всеми знатными юношами, – Тереза фон Бахарахт, по дамской своей глупости и впрямь рассказавшая молодому Баранту о том, что думает о нём, да и о всех французах, Михаил Лермонтов. Вспомнили и “Бородино”, и “Смерть поэта”. Как писал 7 марта генерал П. Д. Дурново: “Барант, сын посла, дрался на дуэли с Лермонтовым, гвардейским гусарским офицером. 1-й был легко ранен. Причиной дуэли была г-жа Бахарахт”. 17 марта о дуэли уже пишет в своём дневнике Л. И. Голенищев-Кутузов: “Произошла дуэль очень замечательная, потому что один из противников – сын посла, а другой – офицер лейб-гвардии гусарского полка... Героиней или, вернее, причиной дуэли была, говорят, мадам Бахарах, не в обиду ей будь сказано, так как она ничего не знала, и оба молодца вызвали один другого, хотя она ни одному из них не давала повода, – несмотря на это, злые языки и сплетницы захотят вышивать по этой канве”.

Может быть, науськанный сыном посол и заинтересовался всерьёз стихами Лермонтова и вызвал к себе своего агента влияния А. И. Тургенева. Умудрённый опытом посол, узнав подробности, перечитав ещё раз стихотворение “Смерть поэта”, посвященное его покойному другу, и успокоился. Но у сына, кроме чисто политического недовольства позицией Михаила Лермонтова, хватало и личных претензий. К тому же, как у нас в России водится, из недоброжелателей Лермонтова нашлись и кляузники, (может, тот же Тургенев, к примеру), которые сообщили, что поэт написал на него злую эпиграмму:

*Прекрасная Невы богиня,
За ней волочится француз!
Лицо-то у неё как дыня,
Зато и жопа, как арбуз.*

Вот обозлённый Эрнест де Барант и решил слегка проучить русского поэта. Где Эрнесту было знать, что эту эпиграмму молодой Лермонтов написал, ещё учась в юнкерской школе, когда о Баранте и слухом не слыхивал, и посвящена она была интрижке между одним из юнкеров и горничной. Надо же было кому-то запомнить эту эпиграмму и спустя семь-восемь лет пересказать молодому Баранту. Может быть, этой доносчицей и оказалась та самая Тереза фон Бахерахт, воспринявшая эпиграмму, как направленную в свой адрес? Версию об увлечённости Лермонтова женой консула в Гамбурге я отмечаю, хотя бы потому, что именно в это время у него развивались самые нежные отношения с княгиней Марией Щербатовой.

Скорее, надо поверить рассказу лермонтовского друга Акима Шан-Гирея: «История эта оставалась довольно долго без последствий, Лермонтов по-прежнему продолжал выезжать в свет и ухаживать за своей княгиней: наконец, одна неосторожная барышня Б***, вероятно, безо всякого умысла, придала происшествию достаточную гласность в очень высоком месте, вследствие чего... Лермонтов за поединок был предан военному суду». Как мы видим, госпожа Бахерахт разнесла слухи о поединке с Барантом, но до этого также в светской болтовне она рассказала что-то лишнее о Лермонтове молодому Баранту. Как пишет князь П. П. Вяземский: «Лермонтов был в близких отношениях с княгиней Щербатовой; а дуэль вышла из-за сплетни, переданной г-жою Бахарах». П. П. Вяземский называет эту госпожу Бахерахт «очень элегантною и прелестною женщиной». Впрочем, и молодого Баранта не укрощает столь резкая реакция на женские пересуды. О госпоже Бахерахт, как виновнице дуэли говорит весь петербургский свет, хотя, думаю, что бы ни рассказывала эта красотка, главная причина дуэли была в неприязни характеров друг друга, помноженной на общие сложные русско-французские отношения. И на явно антиевропейские настроения самого Лермонтова.

В письмах отца П. А. Вяземского жене в Баден читаем: «Лермонтов имел здесь дуэль, впрочем, без кровопролитных последствий, с молодым Барантом. Причина тому – бабьи сплетни и глупое ребячество, а между тем, довольно нахальное волокитство петербургское. Тут замешана моя приятельница или экс-приятельница Бахерахт». Спустя несколько дней – продолжение: «Об истории дуэли много толков, но всё не доберёшься толку, не знаешь, что было причиной ссоры. Теперь многие утверждают, что Бахерахтша тут ни в чём не виновата. Она, говорят, очень печальна и в ужасном положении, зная, что имя её у всех на языке. Кажется, они скоро едут обратно в Гамбург, не дожидаясь навигации. Петербург удивительно опасное и скользкое место».

«Жаль бедной Бахерахтши! В Гамбурге она не уживётся, а Петербург надолго не для нея», – добавляет в своём письме П. А. Вяземскому от 28 марта А. И. Тургенев.

Доказательством тому, что первая дуэль не была политически спровоцирована ни одной, ни другой стороной служат и письма секретаря французского посольства барона д'Андре своему послу 28 марта 1840 года: «Я не могу выразить, до какой степени второе письмо меня огорчило. Моя первая мысль была о Вас и о г-же Барант. Потом я очень сожалел, что покинул вас на восемь дней раньше срока; мне казалось, что я мог бы избавить вас от того, что случилось. Ко времени моего отъезда они уже были в очень натянутых отношениях. Я несколько раз уговаривал Эрнеста сделать над собой небольшое усилие, чтобы не придавать слишком большого значения не вполне культурным манерам г-на Лермонтова, которого он видел слишком часто. Я очень не любил известную даму, находя её большой кокеткой; теперь я питаю к ней нечто вроде отвращения. Я полагаю, может быть, совсем ошибочно, что при некоторой доле ума она могла бы не допустить того, что произошло. Но, в конце концов, дело, которое могло бы кончиться столь несчастливо, не имеет других последствий, кроме доставленных вам мимолётного огорчения и больших забот...»

Тереза фон Бахерахт после серии шумных скандалов, связанных с ней, из России уехала, а вот дуэльный след за ней остался. Многие «понаехавшие из Европ» французы, немцы, англичане и впрямь вели себя даже в светском

обществе вызывающе, доказывая своё превосходство. Казалось бы, только что русские и австрийков с пруссаками били, и французов хвалёных били, но почему-то в самой же России те же русские аристократы нередко прогибались перед приезжими иностранцами. Но – не Лермонтов.

Когда 16 февраля 1840 года Эрнест де Барант на балу у графини Лаваль заявил Михаилу Лермонтову, что тот якобы говорил о нём обидные слова у известной особы, Лермонтов ответил, что никогда и нигде он Баранта не оскорблял. Как пишет первый биограф Лермонтова П. А. Висковатов, молодой Барант не удовлетворился оправданием Лермонтова и указал ему, что "...если всё переданное мне справедливо, то вы поступили дурно". Лермонтов резко ответил: "Ни советов, ни выговоров не принимаю и нахожу ваше поведение смешным и дерзким". На это де Барант вызывающе заявил: "Если б я был в своём Отечестве, то знал бы, как кончить дело". Конечно, Лермонтов не мог не ответить и сказал следующее: "Поверьте, что в России следуют правилам чести так же строго, как и везде, и мы, русские, меньше других позволяем оскорблять себя безнаказанно"...

Эрнест де Барант прекрасно знал, что в России дуэли строжайше запрещены. Николай Первый ненавидел дуэли и строжайше наказывал за них. (И правильно делал – столько замечательных людей в России было убито на дуэли!) К тому же, в России принято было стреляться на пистолетах, в отличие от всей Европы, где предпочитали шпаги, и бились до первого ранения. И потому там смертных случаев было крайне немного. Совсем другое дело – пистолеты. Русские, как всегда, доходили до крайних мер в любых увлечениях. Барант был уверен, что Лермонтов откажется от дуэли. Он послал вызов, поэт его принял. И более ужесточил: после предложенной первой схватки на шпагах он предложил продолжить дуэль на пистолетах, по-русски. Барант не посмел отказаться.

Почему я так презрительно пишу об Эрнесте де Баранте? Потому что все последующие события доказали его трусость. Мало того, что он отказался от повторной дуэли, сочтя себя вполне удовлетворённым, но и в будущем он боялся приехать из Европы в Россию, ибо предполагал, что Лермонтов вновь пожелает встретиться с ним. Мать Эрнеста всё время давила на мужа, а посол – на Нессельроде и на Бенкендорфа, добиваясь того, чтобы Михаил Лермонтов никогда не возвращался в Петербург. Боялись за своего сыночка. Будто это не он вызвал 16 февраля 1840 года на дуэль нашего поэта!

Дуэль состоялась 18 февраля на той же самой Чёрной речке, где был убит Пушкин. Сначала по-французски помахались на шпагах. Поражаюсь отчаянности Лермонтова. Поначалу его секундант Алексей Столыпин (Монго) объяснил секунданту Баранта, недавно приехавшему в Россию виконту Раулю д'Англе, что в России на шпагах не дерутся – в России у офицеров на вооружении были сабли, – и предложил сражаться на саблях; француз заупрямился, и Лермонтов, мало знакомый с таким оружием, спокойно согласился. Шпаги – так шпаги.

При взаимных ударах Барант поскользнулся, и шпага лишь процарапала грудь Лермонтова, а шпага Лермонтов ударила о рукоять барантовской шпаги и острое сломалось.

Взялись за пистолеты. Лермонтов всё медлил, Барант выстрелил первым и промахнулся. После этого Лермонтов выстрелил в сторону. Противники пожали друг другу руки и разошлись. Что мешало Лермонтову, прекрасному стрелку, пристрелить обнаглевшего француза? И его же до сих пор обвиняют в излишней жестокости и равнодушии к людям.

А. Столыпин, который был секундантом на стороне М. Ю. Лермонтова, показал на суде: "Дуэль состоялась 18 февраля 1840 года. Она сначала должна была происходить на шпагах до первой крови, а потом – на пистолетах; на шпагах кончилась небольшой раной, полученной поручиком Лермонтовым в правый бок, и тем, что конец шпаги был сломан; после чего продолжалась она на пистолетах; поставили их на 20 шагах, стрелять они должны были вместе, по счёту: раз – приготовиться, два – целить, три – выстрелить. По счёту "два" Лермонтов остался с поднятым пистолетом и спустил его по счёту "три". Барон де Барант целил по счёту "два"... Направление пистолета поручика Лермонтова при выстреле не могу определить, но могу только сказать, что он не целил в барона де Баранта, а выстрелил с руки. Барон де Барант, как я уже сказал, целил по слову "два" и выстрелил по слову "три".

Этой дуэли уже в наши дни ещё один замечательный русский поэт – Николай Рубцов – посвятил стихотворение:

*Напрасно
дуло пистолета
Враждебно целилось в него:
Лицо великого поэта
Не выражало ничего!
Уже давно,
как в Божью милость,
Он молча верил
В смертный рок.
И сердце Лермонтова билось,
Как в дни обыденных тревог.
Когда же выстрел грянул мимо,
(Наверно, враг
Не спал всю ночь!),
Поэт зевнул невозмутимо
И пистолет отбросил прочь...*

Один из видных царедворцев – М. А. Корф – писал в своём дневнике 21 марта 1840 года: “На днях был здесь дуэль довольно примечательный по участникам. Несколько лет тому назад молоденькая и хорошенькая Штеричева, жившая круглою сиротою у своей бабки, вышла замуж за молодого офицера кн. Щербатова, но он спустя менее года умер, и молодая вдова осталась одна с сыном, родившимся уже через несколько дней после смерти отца. По прошествии траурного срока она, натурально, стала являться в свете, и столь же натурально, что нашлись тотчас и претенденты на её руку, и просто молодые люди, за нею ухаживавшие. В числе первых был гусарский офицер Лермонтов – едва ли не лучший из теперешних наших поэтов; в числе последних, – сын французского посла Баранта, недавно сюда приехавший для определения в секретари здешней миссии. Но этот ветреный француз вместе с тем приволачивался за живущей здесь уже более года женою консула нашего в Гамбурге Бахерахт – известною кокеткою и даже, по общим слухам, – *femme galante*. В припадке ревности она как-то успела поссорить Баранта с Лермонтовым, и дело кончилось вызовом... всё это было ведено в такой тайне, что несколько недель оставалось скрытым и от публики, и от правительства, пока сам Лермонтов как-то не проговорился, и дело дошло до государя. Теперь он под военным судом, а Баранту-сыну, вероятно, придётся возвращаться восвояси. Щербатова уехала в Москву, а между тем её ребёнок, остававшийся здесь у бабушки, умер, что, вероятно, охладит многих из претендентов на её руку: ибо у неё ничего нет, и всё состояние было мужнино, перешедшее к сыну, со смертью которого возвращается опять в род отца...”

Я вполне согласен со всеми характеристиками Корфа, в том числе и Лермонтова как лучшего поэта, и с его расстановкой всех сил. Больше всего мне жалко в этой истории княгиню Марию Щербатову, которая мне виделась бы лучшей женой для Лермонтова из всех женщин, окружавших его. И какой стойкий характер: гибель мужа, гибель сына, потеря любимого человека, полное обнищание – и никаких упрёков. После дуэли она переехала в Москву, и, уезжая на Кавказ через свою любимую Москву, Михаил Лермонтов побывал у неё, но уже с прощальным визитом. Разве что посвятил ей написанное в Москве замечательное стихотворение:

*На светские цепи,
На блеск утомительный бала
Цветущие степи
Украины она променяла,
Но юга родного
На ней сохранилась примета
Среди ледяного,*

*Среди беспощадного света,
Как ночи Украйны
В мерцании звёзд незакатных,
Исполнены тайны
Слова её уст ароматных,
Прозрачны и сини,
Как небо тех стран, её глазки,
Как ветер пустыни,
И нежат, и жгут её ласки.*

Это уже не былые романтические послания возлюбленной – это блестящий портрет любимой женщины. “Сквозь слёзы смеётся. Любит Лермонтова”, – записал в своём дневнике А. И. Тургенев, посетив княгиню в Москве. Многие уверяют, что и Михаил Лермонтов испытывал к княгине самые серьёзные чувства. Что же помешало ему распорядиться ими?

*И следуя строго
Печальной Отчизны примеру,
В надежде на Бога
Хранит она детскую веру;
Как племя родное,
У чуждых опоры не просит
И в гордом покое
Насмешку и зло переносит.
От дерзкого взора
В ней страсти не вспыхнут пожаром,
Полюбит не скоро,
Зато не разлюбит уж даром.*

В стихотворении не скрывается и любовь к печальной Отчизне, и вера в Бога, и опора на племя родное, и цельность натуры княгини Щербатовой.

Менее всего княгине Марии Алексеевне хотелось приобрести незаслуженную репутацию коварной женщины, устраивающей дуэли между поклонниками. Понимая, что любимый ею Михаил Лермонтов не рвётся к прочному союзу, она предпочла уйти в московское затворничество. В марте 1840 года она писала А. Д. Блудовой: “Вы знаете, моя дорогая, нет большего позора для женщины, чем низкие домыслы о ней со стороны тех, кто её знает. Но если женщина слишком горда, она часто предпочитает склонить свою голову перед гнусной клеветой, нежели оказать честь этим клеветущим на неё людям, представляя им доказательства своей чистоты... Я счастлива, что они не поранили один другого, и желаю лучше быть осуждённой всеми, но всё-таки знать, что оба глупца останутся у своих родителей. Я-то знаю, что значит такая потеря”.

Всё понимал Михаил Юрьевич, но... заехал по пути на Кавказ к Марии попрощаться, написал чудесные стихи и умчался подальше, боясь связывать себя женитьбой...

Удивляет и то, что многие лермонтоведы нигде не упоминают госпожу Бахерахт, сосредотачиваясь на княгине Щербатовой как якобы главной причине дуэли. Неужели гамбургского посланника бояться обидеть?

Но вернёмся к самой дуэли с Барантом. После дуэли Михаил Лермонтов поехал к своему издателю Краевскому, где и обмыл рану. Он был энергичен, в весёлом настроении, много шутил. Что уж там таилось в душе его – неизвестно. Слухи о такой громкой дуэли быстро разносились по всему городу. Полковой командир Лермонтова генерал-майор Плаутин вынужден был потребовать у своего офицера, к которому относился всегда одобрительно, ясных и подробных объяснений. Михаил Юрьевич дал своему командиру подробное объяснение: “Ваше превосходительство, милостивый государь! Получив от Вашего превосходительства приказание объяснить Вам обстоятельства поединка моего с господином Барантом, честь имею донести Вашему превосходительству, что 16 февраля на бале у графини Лаваль господин Барант стал требовать у меня объяснения насчёт будто мною сказанного. Я отвечал, что

всё ему переданное несправедливо; но так как он был этим недоволен, то я прибавил, что дальнейшего объяснения давать ему не намерен. На колкий его ответ я возразил такою же колкостью, на что он сказал, что если б находился в своём отечестве, то знал бы, как кончить это дело. Тогда я отвечал, что в России следуют правилам чести так же строго, как и везде, и что мы меньше других позволяем себя оскорблять безнаказанно. Он меня вызвал, условились и расстались. 18 числа, в воскресенье, в 12 часов утра съехались мы за Чёрною речкою на Парголовской дороге. Его секундантом был француз, которого имени я не помню и которого никогда до сего не видел. Так как господин Барант почитал себя обиженным, то я предоставил ему выбор оружия. Он избрал шпаги, но с нами были также и пистолеты. Едва успели мы скрестить шпаги, как у моей конец переломился, а он слегка оцарапал (мне) грудь. Тогда взяли мы пистолеты. Мы должны были стрелять вместе, но я немного опоздал. Он дал промах, а я выстрелил уже в сторону. После сего он подал мне руку, и мы разошлись. Вот, Ваше превосходительство, подробный отчёт всего случившегося между нами. С истинной преданностью честь имею пребыть Вашего превосходительства покорнейший слуга Михайла Лермонтов”.

Плаутин был удовлетворен объяснением. Казалось, что дуэль не будет иметь последствий.

И всё же 10 марта 1840 года Лермонтов был арестован и посажен в ордонанс-гауз, где содержали подсудимых офицеров. Как пишет Аким Шан-Гирей: “История эта оставалась довольно долго без последствий, Лермонтов по-прежнему продолжал выезжать в свет и ухаживать за своей княгиней; наконец, одна неосторожная барышня Б. . . , (очевидно, Бахерахт – **В. Б.**) вероятно, без всякого умысла, придала происшествию достаточную гласность в очень высоком месте, вследствие чего приказом по гвардейскому корпусу поручик лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтов за поединок был предан военному суду с содержанием под арестом, и в понедельник на Страстной неделе получил казённую квартиру в третьем этаже. . . петербургского ордонанс-гауза, где и пробыл недели две, а оттуда перемещён на арсенальную гауптвахту, что на Литейной. . .”

Думаю, ожесточение властей против Лермонтова началось после дружной атаки всего семейства Барантов на Бенкендорфа и Нессельроде. Они чрезвычайно испугались повторной дуэли, предложенной Лермонтовым Эрнесту Баранту во время встречи на гауптвахте. Никого не интересовало, что встреча была обусловлена громкими заверениями Баранта о том, что Лермонтов лжёт, уверяя, что стрелял осознанно в сторону. Это уже была не стычка двух молодых забияк, а столкновение двух держав, и для сглаживания русско-французских отношений Нессельроде и Бенкендорф сделали всё, чтобы удалить Михаила Лермонтова из Петербурга.

В показаниях на суде Михаилом Лермонтовым написано: “Я спросил его: правда ли, что он недоволен моим показанием? Он отвечал: “Точно, и не знаю, почему вы говорите, что стреляли не целя, на воздух”. Тогда я отвечал, что говорил это по двум причинам. Во-первых, потому, что это правда, во-вторых, потому, что я не вижу нужды скрывать вещь, которая не должна быть ему неприятна, а мне может служить в пользу; но что если он недоволен этим моим объяснением, то когда я буду освобождён и когда он возвратится, то я готов буду вторично с ним стреляться, если он этого пожелает. После сего г. Барант, отвечав мне, что он драться не желает, ибо совершенно удовлетворён моим объяснением, уехал”.

И в ордонанс-гаузе, и позже, на Арсенальной гауптвахте, поэт не сидел без дела. Он писал на всех попадавшихся ему обрывках бумаги; не было бумаги – писал прямо на стене. Среди написанных и уцелевших для истории стихов – “Соседка”, посвященная дочери сторожа ордонанс-гауза:

*Не дожидаться мне, видно, свободы!..
А тюремные дни, будто годы,
И окно высоко над землёй,
А у двери стоит часовой.
Умереть бы уж мне в этой клетке,
Кабы не было милой соседки...
Мы проснулись сегодня с зарёй —
Я кивнул ей слегка головой...*

На Арсенальной гауптвахте было написано одно из немногих стихотворений Лермонтова, посвящённое литературному процессу, литературной жизни России — «Журналист, Читатель и Писатель». Эпиграфом идёт французское выражение: «Поэты похожи на медведей, которые кормятся тем, что сосут свою лапу. Неизданное». Впрочем, может быть, это выражение самого Лермонтова, «сосущего в камере свою лапу», взявшего за основу перевод немецкого двестишья Гёте из «Изречения в стихах». Недаром там же, в камере, было написано ещё одно стихотворение — «Пленный рыцарь». Уж кто-кто, а Лермонтов всегда писал, используя свой опыт, передавая свои страсти и сомнения, в любом из его героев есть частичка самого поэта. А уж жизненный опыт у него к 25 годам был более чем богатый. От тюрьмы до войны, от любви до презрения, от высшего света до тарханской деревушки. Да ещё и генный, древний голос шотландского предка-пророка Томаса Лермонта. Есть что пососать из своей медвежьей лермонтовской лапы.

Так что, в отличие от уймы учёных, легко обозначивших позицию Журналиста как позицию буржуазного пошляка, я и в Журналисте вижу «лапу» самого поэта. Един в трёх лицах: и Журналист, с добавкой своего друга Краевского, и Писатель, с добавкой своего друга Хомякова, и Читатель. Когда Журналист утверждает:

*Я очень рад, что вы больны:
В заботах жизни, в шуме света
Теряет скоро ум поэта
Свои божественные сны.
Среди различных впечатлений
На мелочь душу разменяв,
Он гибнет жертвой общих мнений.
Когда ему в пылу забав
Обдумать зрелое творенье?..
Зато какая благодать,
Коль небо вздумает послать
Ему изгнание, заточенье
Иль даже долгую болезнь:
Тотчас в его уединенье
Раздастся сладостная песнь!*

Вообще-то так оно и было. И все лермонтовские светские мадригалы и посвящения красавицам не стоят строк, написанных в ссылке или даже в камере. В русских тюрьмах и ссылках было написано немало замечательных творений, от этих лермонтовских строк до сочинений Льва Гумилёва и даже Эдуарда Лимонова. Я уж не говорю про пушкинское сидение в Михайловском или гоголевское уединение в Риме. Да и «Герой нашего времени» — результат первой кавказской ссылки. Какая уж тут пошлость?!

Но и за Читателя выступает тоже сам поэт. Это же его не раз высказанные мысли о современной ему русской журнальной литературе:

*Стихи — такая пустота:
Слова без смысла, чувства нету,
Натянут каждый оборот;
Притом — сказать ли по секрету? —
И в рифмах часто недочёт.
Возьмёшь ли прозу? — перевод.
А если вам и попадутся
Рассказы на родимый лад —
То, верно, над Москвой смеются
Или чиновников бранят.*

Сразу вспоминаешь его желание издавать свой журнал, где можно было бы печатать только своих, русских авторов. Недаром его и называли в ту пору отчаянным русоманом. Что касается общего потока отечественной литературы, так и было. Не один Лермонтов писал об этом. А. Бестужев писал: «У нас есть критика, и нет литературы». А. Пушкин сделал наброски статьи

с названием “О ничтожности литературы русской”. В. Белинский в “Литературных мечтаниях” замечал: “У нас нет литературы”. Но не так ли во все времена? Разве нынче не царит в журналах та же стихотворная пустота? Разве мало издевательских сочинений о России и о Москве? Я уже не говорю о господстве коммерческого подхода у издателей и руководителей СМИ. Но и в позиции Писателя мы чувствуем не только постороннюю скептическую точку зрения новой молодой литературы – чувствуем желание самого Михаила Лермонтова уйти в новую прозу. Ведь уже был написан и издан роман “Герой нашего времени”, на подходе – первая книга стихов. А повторяться Лермонтов не желал. И сидя в камере, найдя неожиданно для себя свободное время для раздумий, он, уже как Писатель, размышляет:

*Приличьем скрашенный порок
Я смело предаю позору;
Неумолим я и жесток...
Но, право, этих горьких строк
Неприготовленному взору
Я не решусь показать...
Скажите ж мне, о чём писать?..
К чему толпы неблагодарной
Мне злость и ненависть навлечь,
Чтоб бранью назвали коварной
Мою пророческую речь?*

Так и было: бранили за его смелые творения Лермонтова во многих местах и многие личности, от самого Императора до иных из его друзей. Даже это тюремное стихотворение, подписанное “С-Петербург, 21 марта 1840 года, под арестом на Арсенальной гауптвахте”, тогда же резко раскритиковали С. П. Шевырёв, С. А. Бурачок, В. Н. Майков, А. В. Дружинин и другие критики как славянофильского, так и западнического направления. Может, и впрямь, не дожидаясь этой критики, Писателю стоит поступить так, как он сам и поступает:

*Тогда с отвагою свободной
Поэт на будущность глядит,
И мир мечтою благородной
Пред ним очищен и обмыт.
Но эти странные творенья
Читает дома он один,
И ими после без зазренья
Он затопляет свой камин.*

Нужна ли такая истинная литература “неприготовленному взору”? И если Михаил Лермонтов свой век считает веком коммерческим, то что говорить нам о нынешнем времени? Впрочем, тогда же это столь необычное для Лермонтова стихотворение о литературе высоко оценил Виссарион Белинский: “Разговорный язык этой пьесы – верх совершенства; резкость суждений, тонкая и едкая насмешка, оригинальность и поразительная верность взглядов и замечаний – изумительны. Исповедь поэта, которою оканчивается пьеса, блестит слезами, горит чувством. Личность поэта является в этой исповеди в высшей степени благородною”.

Павел Висковатов писал: “Лермонтов вверял бумаге каждое движение души, большею частью выливая их в стихотворную форму. Он всюду накидывал обрывки мыслей и стихотворений. Каждым попадавшимся клочком бумаги пользовался он, и многое погибло безвозвратно. “Подбирай, подбирай, – говорил он шутя своему человеку, найдя у него бумажные отрывки со своими стихами, – со временем большие будут деньги платить, богат станешь”. Когда не случалось под рукою бумаги, Лермонтов писал на столах, на переплётё книг, на дне деревянного ящика – где попало. . .

О том, что Лермонтов шутя советовал подбирать исписанные листы, рассказывал мне в Тарханах сын лермонтовского камердинера со слов отца своего. Другой человек Лермонтова рассказывал, как, посещая барина на га-

уптвахте в Петербурге, он видел исписанными все стены, “начальство за это сержало” – и М. Ю. перевели на другую гауптвахту”.

Там же, в ордонанс-гаузе, и состоялась знаменитая встреча Лермонтова с Белинским, которого привёл их общий издатель Краевский. Белинский от встречи был в восторге: “Я смотрел на него – и не верил ни глазам, ни ушам своим. Лицо его приняло натуральное выражение, он был в эту минуту самим собою... В словах его было столько истины, глубины и простоты! Я в первый раз видел настоящего Лермонтова, каким я всегда желал его видеть. И он перешёл от Вальтер Скотта к Куперу и говорил о нём с жаром, доказывал, что в Купере несравненно более поэзии, чем в Вальтер Скотте, и доказывал это с тонкостью, с умом и – что удивило меня – даже с увлечением. Боже мой! Сколько эстетического чутья в этом человеке! Какая нежная и тонкая поэтическая душа в нём!.. Недаром же меня так тянуло к нему. Мне, наконец, удалось-таки его видеть в настоящем свете. А ведь чудак! Он, я думаю, раскаивается, что допустил себя хотя на минуту быть самим собою, – я уверен в этом”.

И чуть позже, в письме к Боткину от 16 апреля 1840 года, когда Лермонтов сидел уже на Арсенальной гауптвахте, Белинский пишет: “Вышли повести Лермонтова. Дьявольский талант! Молодо-зелено, но художественный элемент так и пробивается сквозь пену молодой поэзии, сквозь ограниченность субъективно-салонного взгляда на жизнь. Недавно был я у него в заточении и в первый раз поразговорился с ним от души. Глубокий и могучий дух! Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного! О, это будет русский поэт с Ивана Великого! Чудная натура!.. Печорин – это он сам, как есть. Я с ним спорил, и мне отрадно было видеть в его рассудочном, охлаждённом и озлобленном взгляде на жизнь и людей семена глубокой веры в достоинство того и другого. Я это сказал ему – он улыбнулся и сказал: “Дай Бог!” Боже мой, как он ниже меня по своим понятиям, и как я бесконечно ниже его в моём перед ним превосходстве! Каждое его слово – он сам, вся его натура, во всей глубине и целостности своей. Я с ним робок – меня давят такие целостные, полные натуры, я перед ними благоговейно и смиряюсь в сознании моего ничтожества. Понимаешь ли ты меня, о лысая и московская душа!..”

Пока Михаил Лермонтов сидел под арестом в ордонанс-гаузе, а затем на Арсенальной гауптвахте, молодой Эрнест де Барант, официально отправленный уже к себе на родину в Париж, оставался по-прежнему в Петербурге и изображал из себя обиженного. Мол, Лермонтов заявляет, что не промахнулся, а первый выстрелил в воздух, и это оскорбительно для его чести. Когда до Лермонтова дошли эти рассказы всё ещё не успокоившегося Баранта, он вызвал его на тайную встречу на гарнизонную гауптвахту.

Это случилось 22 марта. Лермонтов объяснил нахальному французу, что, если он всё ещё считает себя обиженным, он готов на повторную дуэль. Вот этого смелого предложения от арестованного русского офицера Эрнест Барант не ожидал. Он при свидетелях заявил, что полностью чувствует себя удовлетворённым и не имеет никаких претензий к Лермонтову.

Очевидно, он понял, что на этот раз Лермонтов не промахнётся. Более того, о своей тайной встрече с поэтом на гауптвахте он рассказал и своей семье, и всем светским знакомым. Мать Эрнеста добилась встречи с Великим князем Михаилом Павловичем и пожаловалась ему на то, что её сына вновь этот русский офицер хочет вызвать на дуэль. Думаю, из-за этой уже дипломатической интриги, политической игры, в которую ввязались на стороне Баранта и министр иностранных дел России Нессельроде, и шеф жандармского III отделения А. Бенкендорф, Михаил Лермонтов и получил более жёсткую меру наказания, чем предполагалось ранее. И ненависть высших чиновников империи. Как писала умнейшая женщина Е. П. Ростопчина Александру Дюма: “...чтобы покончить эту интернациональную распрю, Лермонтов был вторично сослан на Кавказ”.

При всех самых жёстких нынешних полемиках о судьбе Лермонтова, так никто никогда и не узнает, не сыграла ли эта ненависть Нессельроде и Бенкендорфа к поэту роковую роль в Пятигорске. Ведь не в советское время, когда агитпроп мог приказать развивать какую-то конкретную идеологическую версию, а в девятнадцатом столетии, как пишет П. Висковатов, господствовало мнение, что Мартынов был всего лишь орудием “если не злой, то мелкой интриги дрянных людей...”

Мать Эрнеста Баранта заодно донесла великому князю и о других встречах поэта во время ареста, например, с Виссарионом Белинским.

Уже после отъезда Эрнеста в Париж, надеясь на его возвращение и удачную карьеру в России, мать постоянно допытывалась, не отпустят ли Лермонтова в отставку, не вернётся ли он в Петербург. Более того, она требовала, чтобы Лермонтов написал письмо Баранту с признанием своего ложного заявления на суде, что он стрелял в воздух. Без такого признания молодой Барант вряд ли был бы привлечён к работе в посольстве Франции в России.

Барантов поддержал шеф жандармского III отделения граф А. Бенкендорф. Он потребовал от поэта этого письменного признания. Михаил Лермонтов был вынужден обратиться к Великому князю Михаилу Павловичу:

“[Апрель, 1840] Ваше Императорское Высочество! Признавая в полной мере вину мою и с благоговением покоряясь наказанию, возложенному на меня Его Императорским Величеством, я был ободрён до сих пор надеждой иметь возможность усердно службой загладить мой проступок, но, получив приказание явиться к господину генерал-адъютанту графу Бенкендорфу, я из слов его сиятельства увидел, что на мне лежит ещё обвинение в ложном показании, самое тяжкое, какому может подвергнуться человек, дорожащий своей честью.

Граф Бенкендорф предлагал мне написать письмо к Баранту, в котором бы я просил извиненья в том, что несправедливо показал в суде, что выстрелил на воздух. Я не мог на то согласиться, ибо это было бы против моей совести; но теперь мысль, что Его Императорское Величество и Ваше Императорское Высочество, может быть, разделяете сомнение в истине слов моих, мысль эта столь невыносима, что я решился обратиться к Вашему Императорскому Высочеству, зная великодушные и справедливости Вашу и будучи уже не раз благодетельствован Вами, и просить Вас защитить и оправдать меня во мнении Его Императорского Величества, ибо в противном случае теряю невинно и невозвратно имя благородного человека.

Ваше Императорское Высочество, позвольте сказать мне со всею откровенностью: я искренно сожалею, что показание мое оскорбило Баранта; я не предполагал этого, не имел этого намерения, но теперь не могу исправить ошибку посредством лжи, до которой никогда не унижался. Ибо сказав, что выстрелил на воздух, я сказал истину, готов подтвердить оную честным словом, и доказательством может служить то, что на месте дуэли, когда мой секундант, отставной поручик Столыпин, подал мне пистолет, я сказал ему именно, что выстрелю на воздух, что и подтвердит он сам.

Чувствуя в полной мере дерзновение моё, я, однако, осмеливаюсь надеяться, что Ваше Императорское Высочество соблаговолите обратить внимание на горестное моё положение и заступлением Вашим восстановить моё доброе имя во мнении Его Императорского Величества и Вашем.

С благоговейною преданностью имею счастье пребыть Вашего Императорского Высочества всепреданнейший Михаил Лермонтов, Тенгинского пехотного полка поручик”.

К счастью, Великий князь поддержал письмо Лермонтова и, как мог, смягчил приговор императора. Естественно, после этой как бы жалобы на графа Бенкендорфа от бывшего его благорасположения к поэту не осталось и следа, и до самой смерти это уже был один из самых злейших врагов Михаила Лермонтова.

Император же Николай Первый написал собственноручно: *“Поручика Лермантова перевести в Тенгинский пехотный полк тем же чином; отставного поручика Столыпина и Г. Браницкого освободить от подлежащей ответственности, объявив первому, что в его звании и летах полезно служить, а не быть праздным. В прочем быть по сему.*

Николай
С. Петербург
13 Апреля 1840”.

Незадолго до отъезда, наконец, вышел его роман “Герой нашего времени”. Лермонтову это был как бы прощальный подарок от Петербурга.

Прощальный вечер перед отъездом через Москву на Кавказ состоялся в салоне Карамзиных. Весь вечер поэт был задумчив и грустен. Может, и предугадывал наш шотландский мистик и прорицатель, что едет на смерть? Стоя

у окна, глядя на Неву и Летний сад, он написал ныне всем известное стихотворение:

*Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную...*

Тройка лошадей увезла его в ссылку прямо от дома Карамзиных. Этим стихотворением не случайно Михаил Лермонтов заканчивает свою первую книгу стихотворений, изданных в конце 1840 года.

Москве он наносит визиты княгине Щербатовой, всем своим московским друзьям, ругая на чём свет стоит и Петербург, и всех иностранцев. Видный чиновник Ф. Ф. Вигель негодует: “Я видел русомана Лермонтова в последний его проезд через Москву. “Ах, если б мне позволено было оставить службу, — сказал он мне, — с каким бы удовольствием поселился бы я здесь навсегда”. — “Ненадолго, мой любезнейший”, — отвечал я ему”.

Совсем по-другому пишет о нём сблизившийся с ним в Москве славянофил Ю. Самарин: “Я часто видел Лермонтова за всё время его пребывания в Москве. Это чрезвычайно артистическая натура, неуловимая и не поддающаяся никакому внешнему влиянию, благодаря своей наблюдательности и значительной доли индифферентизма. Вы ещё не успели с ним заговорить, а он вас уже насквозь раскусил; он всё замечает; его взор тяжёл, и чувствовать на себе этот взор утомительно... Этот человек никогда не слушает то, что вы ему говорите, он вас самих слушает и наблюдает, и после того, как он вполне понял вас, вы продолжаете оставаться для него чем-то совершенно внешним, не имеющим никакого права что-либо изменить в его жизни. В моём положении мне очень жаль, что знакомство наше не продолжалось дольше. Я думаю, что между им и мною могли бы установиться отношения, которые помогли бы мне постичь многое”.

По сути, начинается уже зрелый период жизни и творчества великого поэта. Он встречается со многими московскими писателями, размышляет о своей будущей литературной жизни.

С. Аксаков вспоминает свою встречу с ним на именинах Николая Гоголя. Всё-таки знаменательная встреча двух русских гениев. “Приблизился день именин Гоголя, 9-е мая [1840], и он захотел угостить обедом всех своих приятелей и знакомых в саду у Погодина... На этом обеде, кроме круга близких приятелей и знакомых, были: И. С. Тургенев, князь П. А. Вяземский, Лермонтов, М. Ф. Орлов, М. А. Дмитриев, Загоскин, профессора Армфельд и Редкий и многие другие. Обед был весёлый и шумный, но Гоголь, хотя был также весел, но как-то озабочен, что, впрочем, всегда с ним бывало в подобных случаях. После обеда все разбрелись по саду маленькими кружками. Лермонтов читал наизусть Гоголю и другим, кто тут случились, отрывок из новой своей поэмы “Мцыри” и читал, говорят, прекрасно. Потом все собрались в беседку, где Гоголь собственноручно, с особенным старанием, приготавливал жжёнку. Он любил брать на себя приготовление этого напитка, причём говаривал много очень забавных шуток”.

О той же встрече вспоминает и Юрий Самарин: “Я увидел его несколько лет спустя на обеде у Гоголя 9 мая 1840 г<ода>. Это было после его дуэли с Барантом. Он узнал меня, обрадовался; мы разговорились про Гагарина; тут он читал свои стихи — Бой мальчика с барсом [“Мцыри”]. Ему понравился Хомяков. Помню его суждение о Петербурге и петербургских женщинах. Лермонтов сделал на всех самое приятное впечатление. Ко мне он охотно обращался в своих разговорах и звал к себе. Два или три вечера мы провели у Павловых и у Свербеевых. Лермонтов угадал меня. Я не скрывался. Помню последний вечер у Павловых. К нему приставала К. К. П. [Каролина Карловна Павлова]. Он уехал грустный. Ночь была сырая. Мы простились на крыльце”.

Литературный завоеватель и победитель и Петербурга, ему чуждого, и родной Москвы в конце мая 1840 года отправился на Кавказ.